

ПРОЛОГ

Ты вовсе не хотел его убивать.

Зовут тебя Мэтт Хантер. Тебе двадцать. Вырос в северном районе Нью-Джерси, в семье среднего достатка. Жил в бедной части города, но сам город очень богат. Родители вкалывали как каторжные и любили тебя безоглядно. В семье ты был средним ребенком. У тебя есть старший брат, ты его боготворишь, и младшая сестра, которую приходится терпеть.

Как любой другой ребенок из Нью-Джерси, ты рос, задумываясь о будущем и о колледже, в который поступишь. Учился прилежно и получал пусть не блестящие, но вполне приличные оценки. В среднем выходило где-то А с минусом. Недотягивал до верхней планки процентов десять, но был близок. И с общественной работой тоже полный порядок, одно время был даже школьным казначеем. Ну и, само собой, спорт: ты являлся ведущим игроком футбольной¹ и баскетбольной команд, достаточно приличных, чтобы играть в первом дивизионе. Немного всезнайка, симпатичный. А когда ты проходил SAT², то прямо-таки удивил наставника высокими оценками.

¹ Имеется в виду американский футбол. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² SAT — стандартизованный тест для приема в высшие учебные заведения в США.

Метил в Лигу плюща, но недотянул. В Гарварде и Йеле тебя отвергли сразу. В Пенсильванском и Колумбийском университетах внесли в список ожидания. Пришлось остановиться на Боудене, маленьком престижном колледже в Брансуике, штат Мэн. Тебе там нравилось. Группы небольшие. Сразу появились друзья. Постоянной подружки не было, но ты и не особо хотел обзавестись таковой. На втором курсе начал играть в университетской футбольной команде защитником. Прямо с ходу после поступления был зачислен в юношескую сборную по баскетболу, и теперь, когда главный разыгрывающий окончил колледж, ты имел все шансы занять его место.

Именно тогда, возвращаясь в кампус после каникул между первым и вторым семестром, ты убил человека.

Каникулы в кругу семьи прошли весело и суматошно, но тебе хотелось вернуться пораньше из-за тренировок по баскетболу. Ты расцеловался с отцом и матерью на прощание и отправился в кампус вместе с лучшим другом и соседом по комнате Даффом. Дафф из Вестчестера, штат Нью-Йорк. Приземистый такой паренек с толстыми ногами. Играет правого отбирающего в футбольной команде, а в баскетбольной сидит пока на скамье запасных. Самая крепкая башка на алкоголь в кампусе — перепить его пока никому не удавалось.

За рулем сидел ты.

По пути Дафф вдруг пожелал остановиться в городке Амхерст, штат Массачусетс. Один его приятель учился в местном университете и устраивал в тот день грандиозную гулянку.

Ты был, конечно, не в восторге, ты вообще не любитель шумных вечеринок. Предпочитаешь небольшие компании, где все друг друга знают. В Боудене около

тысячи шестисот студентов, в Массачусетском технологическом — сорок тысяч. Начало января, холодрыга страшная. Снегу навалило горы. Пар валил изо рта, когда вы подходили к дому.

И вот вы с Даффом вошли внутрь и сбросили свои пальто на кучу других. Потом еще очень долго ты будешь вспоминать эти сваленные в прихожей пальто. Если бы ты тогда не разделся, оставил свое пальто в машине, бросил его куда-то еще...

Но ничего этого не случилось.

Вечеринка была что надо. Да, слишком бурное веселье, но тебе даже понравилось, и ты завелся. Приятель Даффа предлагает остаться переночевать в его комнате. Вы соглашаетесь. Ты выпил очень много, ведь это студенческая гулянка, а Дафф выпил еще больше. Постепенно веселье пошло на убыль. В какой-то момент вы оба отправляетесь за своими пальто. Дафф держит в руке бокал с пивом. Вытаскивает пальто из кучи, перебрасывает через плечо.

Пиво пролилось. Совсем немного. Какая-то капелька. Но этого хватило.

Пиво пролилось на красную ветровку. Ее ты тоже хорошо запомнил. На улице собачий холод, а тут кто-то приперся в ветровке. И еще почему-то никак не удастся выбросить из головы тот факт, что ветровка была с водонепроницаемой пропиткой. И пролитое пиво — всего-то несколько брызг — никак не могло ее испортить. Даже пятнышка не осталось бы. Отстирать ничего не стоило.

Но тут кто-то крикнул:

— Эй!

Владелец ветровки. Крупный парень, однако не великан. Дафф пожимает плечами. Не извиняется. Парень, мистер Красная Ветровка, сует ее прямо в физиономию Даффа. Это было ошибкой. Наш Дафф —

боец и заводится с пол-оборота. В каждом колледже имеется такой Дафф — парень, который всегда не прочь подраться. Непобедимый.

В том-то и проблема. В каждом колледже есть свой Дафф. И время от времени ваш Дафф нарывается на их Даффа.

Ты пытаешься уладить дело. Перевести все в шутку. Но не тут-то было. Когда перед тобой два бойца, накачанных пивом, с багровыми физиономиями и крепко сжатыми кулаками, драки не избежать. Вызов брошен; правда, ты уже не помнишь, кем именно. Но сразу понимаешь, что нажил себе неприятности.

Ты выкатываешься на холод, и выясняется, что здоровяк, владелец красной ветровки, пришел не один, а с друзьями.

Их было восемь или девять. А вас с Даффом — двое.

Ты начинаешь искать приятеля Даффа — Марка или Майка? — а того нигде не видно.

Начинается драка.

Дафф опускает голову, как бык, и бросается на Красную Ветровку. Красная Ветровка уворачивается, делает захват и бьет Даффа. Прямо в нос. А потом опять. И еще.

Дафф, наклонив голову, бешено машет кулаками, но толку ноль. Примерно после седьмого или восьмого прямого попадания Дафф перестает махать кулаками. Дружки Красной Ветровки начинают аплодировать. У Даффа руки повисли вдоль тела.

Ты хочешь остановить все это, только не знаешь как. Красная Ветровка продолжает методично обрабатывать Даффа, наносит удары по лицу и корпусу. Дружки подбадривают его. Каждый удар сопровождается восторженным гоготом.

Ты в ужасе.

Твоего друга избивают, а ты думаешь лишь о себе. Тебе стыдно. Ты хочешь чем-то помочь, но слишком напуган. Струхнул не на шутку. Сдвинуться с места не в силах. Ноги будто ватные. Руки — тоже. И ты не навидишь себя за это.

Красная Ветровка наносит еще удар, отпускает Даффа, и тот валится на снег, точно мешок. Красная Ветровка пинает Даффа носком ботинка в ребра.

Ты плохой друг. Просто никакой. Струсил, не бросился на помощь. И тебе никогда не забыть этого чувства. Трус. Уж лучше бы тебя отметилили. Ужасный стыд.

Еще удар. Дафф крикнул и перекатился на спину. Лицо в крови. Только позже ты узнаешь, что раны опасными не были. Дафф отделался двумя фингалами под обоими глазами и многочисленными ушибами. Так скажут позже. Но тогда он выглядел просто ужасно. И ты понимаешь, что не можешь больше стоять в стороне и спокойно наблюдать за избиением.

Не можешь больше этого выносить.

И вот ты выскакиваешь из толпы.

Все на тебя смотрят. Секунду-другую никто не двигается, не произносит ни звука. Слышно лишь шумное дыхание Красной Ветровки. Ты видишь, как вырывается пар у него изо рта. Ты дрожишь. Стараешься, чтобы твои слова звучали убедительно. Эй, говоришь ты, с него хватит. Растопыриваешь руки. Пытаешься выдать улыбку. Ладно, он проиграл, говоришь ты. Все, хватит. Победа за тобой, говоришь ты Красной Ветровке.

Кто-то насакивает на тебя сзади. Чьи-то руки хватают тебя за плечи, сдавливают в медвежьем объятии.

Ты попался.

Красная Ветровка приближается к тебе. Твое сердце колотится как бешеное, бьется в груди, словно птичка

в тесной клетке. Тогда ты резко откидываешь голову и разбиваешь кому-то нос. Красная Ветровка надвигается. Ты ныряешь в сторону. Из толпы выходит кто-то еще. Светлые волосы, багровые щеки. Ты понимаешь, что это один из дружков Красной Ветровки.

Стивен Макграт.

Он бросается на тебя. Ты начинаешь метаться, как рыба на крючке. Наваливаются остальные. Ты в панике. Стивен Макграт хватается за плечи. Ты пытаешься высвободиться. Крутишься как волчок.

И именно в тот момент ты вдруг вцепляешься ему в горло.

Ты напал на него? Он толкнул тебя первым или ты его? Ты не помнишь. Может, один из вас поскользнулся на льду? Во всем виноват лед на тротуаре? Ты прокручиваешь в памяти этот момент бесчисленное число раз, но ответ так до сих пор и не ясен.

В общем, вы оба падаете.

Ты по-прежнему сжимаешь руки на его горле. Не ослабляешь хватки.

А когда вы упали, раздался глухой стук. Это Стивен Макграт ударился затылком о бордюрный камень. Такого звука, сопровождаемого ужасным хрустом, точно раскололся полупустой сосуд с чем-то жидким, ты никогда не слышал прежде.

Теперь ты знаешь: этот звук отмечает конец жизни.

Ты запомнил его на всю жизнь. Ужасный звук. Он повсюду преследует тебя.

Все остановилось. Ты смотришь вниз. Глаза у Стивена Макграта открытые, немигающие. Но ты уже понял. Понял по тому, как его тело вдруг обмякло. Понял по жуткому хрусту и стуку.

Парни разбегаются. Ты не двигаешься с места.

А потом все закрутилось, завертелось. Прибыли служба безопасности кампуса и полиция. Ты расска-

зываете им, что произошло. Твои родители нанимают бойкого адвоката из Нью-Йорка. Эта дамочка внушает, чтобы ты все валил на самооборону. Ты так и делаешь.

И постоянно слышишь этот ужасный звук.

Обвинитель старается выставить тебя на посмешище. «Леди и джентльмены, господа присяжные, — говорит он, — значит, обвиняемый поскользнулся, держа Стивена Макграта обеими руками за горло? Неужели он думает, что кто-нибудь ему поверит?»

Суд проходит неудачно.

Тебе же на все плевать. Раньше тебя волновали оценки и спортивные достижения. Как романтично! Друзья, подружки, поцелуйчики, вечеринки, матчи, прочая муть. Все это пыль и прах. Теперь на смену этому пришел ужасный звук — стук черепа о камень.

На суде ты слышишь, как плачут родители, да. Но выражение лиц Сони и Кларка Макграт будет преследовать тебя до конца дней. Соня Макграт просто не сводит с тебя глаз на протяжении всего процесса. Так и ловит твой взгляд.

А ты не можешь посмотреть ей в глаза.

Пытаешься слушать, как жюри присяжных выносит вердикт, но тебе мешают посторонние звуки, которые не стихают ни на мгновение, не умолкают даже тогда, когда судья, сурово глядя сверху вниз, зачитывает приговор. Пресса замерла в ожидании. Исправительная колония для белых мальчиков, где порядки мягкие, как в загородном клубе, тебе не светит. Не теперь. Не в год выборов.

Мама падает в обморок. Отец старается держаться из последних сил. Сестра выбегает из зала. Брат Берни стоит как замороженный.

На тебя надевают наручники и уводят. Воспитание не подготовило тебя к тому, что ждет впереди. Ты смо-

трел телевизор и слышал об изнасилованиях в тюрьмах. Этого не случается — никаких сексуальных домогательств по отношению к тебе не было, — но всю первую неделю тебя избивали. Кулаками. Ты совершил ошибку, рассказав, кто это сделал. Тебя жестоко избили еще два раза, три недели ты провел в лазарете. С тех пор прошли годы, но до сих пор в моче у тебя иногда появляется кровь — сувенир на память об ударе ногой по почкам.

Ты живешь в постоянном страхе. И когда тебя выпускают к остальным, уже знаешь: единственный способ выжить — присоединиться к оголтелой компании под названием «Нация арийцев». Грандиозных идей у нее нет, не имеется и глобального видения того, какой должна стать Америка. Они просто любят ненавидеть.

Через полгода после твоей посадки умирает от инфаркта отец. Ты знаешь, что это твоя вина. Ты хочешь заплакать, но не можешь.

В тюрьме ты проводишь четыре года. Четыре года — столько же времени учатся студенты в колледже. У тебя день рождения — двадцать пять лет, — и ты его стыдишься. Говорят, что ты изменился, но сам ты не уверен.

Когда ты выходишь на волю, то ступаешь неуверенно, словно в любой момент земля под ногами может провалиться. Точно земля может расступиться и поглотить тебя.

С тех пор ты всегда ходишь так, в каком-то смысле.

Брат Берни встречает тебя у ворот. Он только что женился. Его жена Марша беременна, ждет первенца. Берни обнимает тебя, и ты чувствуешь, что последние четыре года словно не в счет. Ну, почти. Будто их не было вовсе. Твой брат отпускает шутку. Ты смеешься, впервые за долгое время смеешься по-настоящему.

Ты заблуждался — жизнь твоя вовсе не кончилась той морозной ночью в Амхерсте. Брат поможет тебе вернуться к нормальной жизни. Ты даже встретишь однажды красивую женщину. Зовут ее Оливия. Она сделает тебя счастливым просто до головокружения.

И ты женишься на ней.

В один прекрасный день, через девять лет после того, как ты вышел из этих ворот, ты узнаешь, что твоя красавица-жена беременна. И решаешь купить мобильные телефоны, чтобы всегда быть с ней на связи. Однажды ты сидишь на работе, и телефон звонит.

Тебя зовут Мэтт Хантер. Телефон звонит второй раз. И ты отвечаешь...

Девять лет спустя

ГЛАВА 1

*Рино, штат Невада
18 апреля*

Звонок в дверь пробудил Кимми Дейл от сна. Она потянулась в кровати, тихонько застонала, подтащила поближе будильник.

11:47.

На улице, можно сказать, самый разгар дня, а в трейлере темно, как ночью. Кимми так нравилось. Она работала по ночам и засыпала с трудом. Прежде, в Лас-Вегасе, она чего только не перепробовала — жалюзи на окнах, занавески, шторы, ставни и специальную повязку для глаз, пока наконец не нашла устраивающую ее комбинацию, не позволяющую раскаленным лучам солнца Невады проникать в ее убежище. Здесь, в Рино, лучи не такие безжалостные, но все равно так и норовят пробраться в мельчайшую щелку.

Кимми села в своей огромной двуспальной кровати. Телевизор безымянной модели, купленный по случаю у одного местного владельца мотеля, решившего обновить обстановку в номерах, был включен, но без звука. На экране плавали некие мутные образы, точно призраки из потустороннего мира. Сейчас она спала одна — настал перерыв в неиссякаемом потоке партнеров. Был период, когда каждый гость Кимми, каж-

дый мало-мальски перспективный самец приносил с собой надежды в эту кровать, вновь и вновь заставлял ее с замиранием сердца задумываться: «Может, это он и есть, тот, единственный?» Но по прошествии времени и недолгом размышлении Кимми понимала: нет, не он.

И надежд больше не осталось.

Она медленно поднялась. Припухлость на груди, оставшаяся после недавней косметической операции, еще не спала, любое резкое движение отдавалось болью. Кимми уже в третий раз сделала себе такую операцию. Она не хотела ее делать, но настоял Чалли, уверяющий, что глаз у него в подобных делах наметанный. Грудь у нее опускались, это факт. А потому и успехом Кимми почти не пользовалась. Вот и пришлось согласиться. Но кожа в этом месте сильно натянулась из-за предшествующих хирургических вмешательств. И когда Кимми лежала на спине, проклятые груди распадались в разные стороны и пилились сосками, точно рыбы глаза.

В дверь опять позвонили.

Кимми перевела взгляд на свои ноги цвета эбенового дерева. Всего-то тридцать пять, никогда не рожала, но варикозные вены разрастались, как откормленные червяки. Слишком много лет простояла на ногах. Чалли скажет, что и над ногами надо поработать. Нет, она пока в форме, фигурка просто супер, а уж задница — глаз не оторвать, однако тридцать пять — это тебе не восемнадцать. И целлюлит. И варикозные вены. Ну точь-в-точь рельефная карта.

Кимми воткнула сигарету в рот. Коробок спичек фирменный, позаимствован с последнего места работы, стриптиз-бара «Похотливый бобер». А ведь некогда в Лас-Вегасе она была звездой, выходила на сцену под именем Черная Магия.

Впрочем, о тех днях Кимми не тосковала. Если честно, она вообще не тосковала ни об одном дне своей жизни.

Кимми накинула халат и отворила дверь спальни. Защиты от солнца в этой комнате не было, и свет больно ударил в глаза. Она заморгала, заслонила их ладошкой. Гости редко баловали Кимми — дома она сидеть не любила. И решила, что это, наверное, пришел кто-то из «Свидетелей Иеговы». В отличие от большинства обитателей этого мира Кимми обычно не возражала против подобных визитов. Всегда приглашала в дом и терпеливо выслушивала помешанных на религии людей. Она даже немного завидовала им: нашли хоть какую-то опору в жизни. И от души желала столь же свято уверовать. Надеялась, как это было с мужчинами в ее жизни, что на сей раз все будет по-другому, они убедят ее, и она найдет наконец что-нибудь стоящее, на что всегда можно опереться.

Кимми, не спрашивая, кто там, открыла дверь.

— Вы Кимми Дейл?

На пороге стояла молоденькая девушка лет восемнадцати-двадцати, совсем не похожая на свидетельницу Иеговы. Не было на ее лице вымученной фальшивой улыбки. Кимми даже подумала, будто это одна из новообращенных Чалли, но нет. Некрасивой девушку назвать нельзя, однако она не во вкусе Чалли. Тот любил шик, блеск и всяческий гламур.

— Ты кто? — спросила Кимми.

— Не важно.

— Не поняла...

Девушка опустила голову и прикусила нижнюю губку. Кимми усмотрела в этой манере нечто отдаленно знакомое и ощутила, как вдруг забилось сердце.

— Вы знали мою маму, — промолвила девушка.

Кимми глубоко затянулась сигаретой.

— Да я много матерей знала.

— Мою маму, — повторила девушка. — Кэндес Поттер.

Кимми вздрогнула. На улице жара, но ей вдруг стало зябко, и она поплотнее запахнула халат.

— Можно войти?

Разве Кимми ответила «да»? Да она вообще ничего не сказала, лишь отступила и пропустила девушку в фургон.

— Я не понимаю... — сказала Кимми.

— Кэндес Поттер, так звали мою мать. Она отдала меня на удочерение в тот день, когда я родилась.

Кимми старалась успокоиться. Закрыла дверь.

— Хочешь чего-нибудь выпить?

— Нет, спасибо.

Женщины смотрели друг на друга. Кимми скрестила руки на груди.

— И все равно не врубаюсь, чего тебе здесь надо.

Девушка заговорила, будто читала наизусть хорошо отрепетированный текст:

— Два года назад я узнала, что меня удочерили. Я люблю своих приемных родителей, так что не подумайте чего плохого. Родители у меня замечательные, и еще есть две сестры. Они очень добры ко мне. Дело не в них. Просто, когда узнаешь такое... хочешь разобраться, знать.

Кимми кивнула, сама не понимая зачем.

— Я начала копать, собирать информацию. Это было не просто. Но есть такие люди, которые помогают усыновленным детям отыскать их настоящих родителей.

Кимми выплюнула окурок изо рта. Руки ее дрожали.

— Но ведь ты, надеюсь, знаешь, что Кэнди... твоя мать Кэндес...

— Умерла? Да, знаю. Ее убили. Я выяснила это на прошлой неделе.

Ноги у Кимми стали ватными. Она села. Нахлынули мучительные воспоминания.

Кэндес Поттер. Известная в клубах под прозвищем Кэнди Кейн.

— Чего ты от меня хочешь? — спросила она.

— Я говорила с офицером, который расследовал ее убийство. С Максом Дэрроу. Помните его?

Как же ей не помнить старину Макса. Она знала его еще до убийства. Сначала детектив Макс Дэрроу с трудом делал хорошую мину при плохой игре. Говорил что-то о низкоприоритетности. Мертвая стриптизерша, без семьи. Очередной несчастный случай «на производстве» — вот и все, чем была для него Кэнди. И она, Кимми, влезла во все это, выторговывала услугу за услугу. Так уж устроен мир.

— Да, — сказала Кимми. — Помню.

— Он теперь на пенсии. Утверждает, что полиция знала, кто ее убил, но не может его найти.

Кимми почувствовала, как на глаза нависают слезы.

— Это случилось так давно.

— Вы с мамой дружили?

Кимми кивнула. Конечно, она все помнила. Кэнди была для нее больше чем просто подругой. В жизни встречается не так много людей, которым можно доверять безоговорочно. Кэнди являлась как раз таким надежным и близким человеком, пожалуй единственным с тех пор, как умерла мама Кимми, самой ей тогда было двенадцать лет. Они были неразлучны, Кимми и эта белая цыпочка. Иногда они называли себя, по крайней

мере на сцене, Пик и Сайерс — так звали героев старой киноленты «Песня Брайана»¹. А потом, как и в фильме, белая подруга умерла.

— Она была проституткой? — спросила девушка.

Кимми покачала головой и соврала, как ей показалось, очень убедительно:

— Никогда.

— Но ведь она была стриптизершей.

Кимми промолчала.

— Я ее не осуждаю.

— Так чего ты все-таки хочешь?

— Узнать о своей маме побольше.

— Какое теперь это имеет значение?

— Для меня имеет.

Кимми хорошо помнила, как узнала печальную весть. Она выступала неподалеку от Тахо, исполняла медленный танец для толпы неудачников, сидящих за ланчем, — мужчин в грязных, нечищенных ботинках, чьи продырявленные сердца страдали и ныли при виде обнаженной женщины. Кэнди она не видела три дня. И вот здесь, на сцене, она вдруг услышала тревожный шепоток и сразу сообразила: что-то случилось. Лишь взмолилась тогда про себя: «Только бы не с Кэнди!»

Но речь шла именно о ней.

— Жизнь у твоей мамы выдалась нелегкая, — сказала Кимми.

Девушка сидела и внимательно слушала.

— Кэнди считала, мы сумеем найти выход. Сначала решила обратиться к одному парню в клубе. Они нашли нас и вроде бы взяли, но все это оказалось фуфлом. Многие девушки пытаются, однако это никогда

¹ «Песня Брайана» — спортивная драма режиссера Базза Кьюлика о двух друзьях, игроках в американский футбол (1971).

не срабатывает. Тому парню нужны были всякие фантазии, не ты. Твоя мама быстро это поняла. Она хоть и мечтательницей была, но цель в жизни имела.

Кимми умолкла, отвернувшись.

— Ну а потом? — спросила девушка.

— А потом этот ублюдок раздавил ее, как букашку. Девушка заерзала в кресле.

— Детектив Дэрроу говорил, что этого парня звали Клайд Рэнгор?

Кимми кивнула.

— И еще он упоминал женщину, Эмму Лимей. Она вроде была его партнершей?

— В каком-то смысле да. Но подробностей я не знаю.

Кимми не заплакала, услышав то ужасное известие. Не хотела выглядеть слабой. Однако пошла на риск, рассказав проклятому Дэрроу все, что ей известно.

Не высовываться — один из главных принципов ее жизни. Но Кимми не могла предать Кэнди, даже тогда, когда помогать было уже поздно. Со смертью Кэнди самое лучшее, что было в Кимми, тоже словно умерло.

Она беседовала с полицейскими и особенно с Максом Дэрроу. О том, кто мог это сделать. Кимми была уверена, что Клайд и Эмма. А ведь они могли отомстить, убить или ранить и ее, но она не побоялась.

Эмма и Клайд не стали мстить ей. Просто сбежали, и все.

С тех пор миновало десять лет.

— Вы обо мне знали? — спросила девушка.

Кимми нехотя кивнула:

— Твоя мама говорила мне, но только раз. Ей было больно говорить об этом. Ты должна понять. Когда это случилось, Кэнди была совсем юной. Лет пятна-

дцать-шестнадцать. И едва успела ты из нее выско-
чить, как тебя забрали. Она даже не знала, мальчик
у нее родился или девочка.

Повисло томительное молчание. Кимми мечтала
лишь об одном: чтобы девушка ушла.

— Как вы думаете, что с ним стало дальше? С Клай-
дом Рэнгором?

— Может, уже и помер, — ответила Кимми.

Впрочем, она не слишком в это верила. Тараканы
вроде Клайда — живучие твари, никогда не умирают.
Возвращаются и снова начинают досаждают людям.

— Я хочу найти его, — произнесла девушка.

Кимми удивленно взглянула на нее.

— Хочу найти убийцу мамы и предать суду. Я не
богачка, но кое-какие деньги у меня имеются.

Они помолчали пару секунд. Воздух тяжелый, лип-
кий, трудно дышать. Кимми задумалась, с чего начать.

— Должна сказать тебе одну вещь... Можно?

— Конечно.

— Твоя мама пыталась выстоять.

— В каком смысле?

— Многие девушки сразу сдаются. А твоя мама ни-
когда не сдавалась. Никогда не сгибалась под удара-
ми. Она мечтала. Но победить не могла.

— Я не понимаю.

— Ты счастлива, девочка?

— Да.

— Учишься в школе?

— Нет, уже поступила в колледж.

— Колледж... — мечтательно протянула Кимми. —

Ты...

— Что я?

— Значит, твоя мама все же победила.

Девушка промолчала.

— Кэнди, то есть твоя мама... она не хотела, чтобы ты впутывалась в это. Ясно?

— Наверное, да.

— Подожди секунду.

Кимми выдвинула ящик комода. Она там, конечно же. Кимми давно не доставала ее, но фотография лежала сверху. Она и Кэнди улыбаясь взирают на мир. Пик и Сайерс. Кимми смотрела на свое изображение и вдруг осознала, что молоденькой девушки по прозвищу Черная Магия больше не существует. Клайд Рэнгор отправил в небытие и ее.

— Вот, возьми, — сказала она.

Девушка бережно взяла снимок, так берут чашку из тонкого драгоценного фарфора.

— Она была красивой, — прошептала девушка.

— Да, очень.

— И вид такой счастливый.

— А вот счастлива не была. Но теперь... могла бы.

Девушка решительно сжала губы:

— Не уверена, что смогу оставаться в стороне.

«Вероятно, — подумала Кимми, — ты больше похожа на свою мать, чем подозреваешь».

Затем они обнялись и обещали поддерживать отношения. Девушка ушла, и Кимми оделась. Поехала в цветочный магазин и купила дюжину тюльпанов. Тюльпаны — любимые цветы Кэнди. А потом она целых четыре часа добиралась до кладбища, приблизилась к могиле подруги, опустилась на колени. Вокруг — ни души. Кимми стерла пыль с маленького памятника. Она заплатила и за место, и за памятник. Кэнди должна покоем в приличном месте.

— Сегодня приходила твоя дочь, — произнесла она вслух.

Подул легкий ветерок. Кимми закрыла глаза и прислушалась. Ей показалось, что она слышит голос Кэнди, далекий, но настойчивый, умоляющий ее беречь дочь.

А когда облако растаяло и горячие лучи невадского солнца снова коснулись ее кожи, Кимми обещала, что исполнит просьбу.

ГЛАВА 2

*Ирвингтон, штат Нью-Джерси
20 июня*

— Телефон с видеокамерой, — пробормотал Мэтт Хантер, качая головой.

Он возвел глаза к небесам, ища ободрения и поддержки свыше, но не увидел ничего, кроме гигантской бутылки пива.

Эта бутылка была ему хорошо знакома: Мэтт видел ее всякий раз, выходя из обшарпанного домика на две семьи, где на стенах давно облупилась штукатурка. Знаменитая бутылка поднималась на сто восемьдесят пять футов от земли и доминировала над окрестным пейзажем. Некогда здесь находилась пивоварня «Пабст блю риббон», но ее закрыли. Несколько лет назад бутылка служила водонапорной башней и была украшена медными и стальными пластинами, сверкающей эмалью и позолоченной пробкой. По ночам бутылку подсвечивали прожекторами, чтобы жители Нью-Джерси видели ее за милю.

Однако ничего подобного больше не наблюдалось. Теперь бутылка приобрела коричневый оттенок, как

и подобает пивной, но лишь за счет ржавчины. Наклейка давным-давно исчезла. Словно следуя ее примеру, некогда процветающий район медленно доживал свой век. Глядя на развалины на месте строений, можно было подумать, что началось это очень давно.

Мэтт остановился на нижней ступени крыльца. Оливия, любовь всей жизни, не последовала его примеру. В ее руках побрякивали ключи от машины.

— Не думаю, что мы должны это делать, — сказал он.

— Да перестань! — бросила Оливия, не останавливаясь. — Это так здорово.

— Телефон должен быть телефоном, — произнес Мэтт. — А камера — камерой.

— Какая глубокая мысль.

— А когда две вещи соединены в одной... это уже извращение.

— Тоже мне эксперт, — сказала Оливия.

— Ха-ха! Неужели не видишь, в чем тут опасность?

— Нет, не вижу.

— Камера и телефон в одном флаконе... — Мэтт запнулся, подыскивая нужные слова. — Это... Ну, не знаю. Это, если вдуматься, нечто сродни межвидовому скрещиванию, как в плохих фильмах. Новое существо выходит из-под контроля и разрушает все на своем пути.

Оливия уставилась на него, расширив глаза.

— Какой ты странный.

— В общем, не уверен, что нам нужно покупать эти телефоны, вот и все.

Она нажала кнопку пульта, дверцы автомобиля открылись. Потянулась к ручке. Мэтт все еще колебался. Оливия вопросительно взглянула на него.

— Что? — спросил он.

Кобен Х.

К 55 Невиновный : роман / Харлан Кобен ; пер. с англ. Н. Рейн. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 480 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-20865-0

Харлан Кобен — первый в списке десяти лучших детективных писателей Америки по версии «New York Times», лауреат премий «Шамус», «Энтони», «Эдгар», «Серебряная пуля». Его романы литературные критики называют гениальными («New York Times»), острыми и пронизательными («Los Angeles Times»), неизменно увлекательными («Houston Chronicle»), превосходными («Chicago Tribune») и обязательными для чтения («Philadelphia Inquirer»). В 2009 году Кобен удостоился премии «Криминальный триллер» — писательской награды за лучшую телевизионную драму. Он участвовал в создании телесериалов по собственным романам как сценарист и продюсер, сотрудничал с «Netflix» и французскими телеканалами. В числе экранизированных бестселлеров Харлана Кобена — «Невиновный» (испанский мини-сериал «Харлан Кобен. Невиновен», 2021).

Однажды Мэтт вмешался в драку и угодил за решетку. Но теперь тюрьма в прошлом, и об этом хочется забыть навсегда. У него хорошая работа, любимая жена... с телефона которой внезапно приходит странное видео. И кошмар возвращается...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ХАРЛАН КОБЕН
НЕВИНОВНЫЙ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Надежды Дик
Корректоры Анна Быстрова, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.02.2022. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.

Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 21,15.

Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MBD-29780-01-R